

ИВ АМАН

ОТЕЦ

Александр МЕНЬ

ХРИСТОВ СВИДЕТЕЛЬ В НАШЕ ВРЕМЯ

Ив Аман

**Отец Александр Мень. Христов
свидетель в наше время**

«Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Менья»

1993

Аман И.

Отец Александр Мень. Христов свидетель в наше время /
И. Аман — «Гуманитарно-благотворительный фонд имени
Александра Меня», 1993

ISBN 5-7380-0122-2

Эта книга – не просто биография отца Александра, но портрет, написанный на фоне эпохи. Автор – человек любящий Россию, знающий российскую историю и принявший в ней самое непосредственное участие. По сути, это исследование, посвященное Русской Православной Церкви XX века, написанное замечательным языком, содержащее множество фактов и богато иллюстрированное фотографиями. Книга переведена с французского на русский, английский и ряд других языков. К сожалению, в интернете пока не представлена.

ISBN 5-7380-0122-2

© Аман И., 1993
© Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Меня, 1993

Содержание

Предисловие	6
По дороге в храм	10
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ив Аман

Отец Александр Мень. Христов свидетель в наше время

Печатается по изданию Yves Hamant «Alexandre Men, un témoin pour la Russie de ce temps» Editions Mame, Paris 1993

Первое издание на русском языке «А. Мень – свидетель своего времени». М. 1994

Перевод Н. В. Гарской, под редакцией автора

В оформлении интернет-версии книги использованы фотографии Виктора Андреева, Сергея Бессмертного, Софьи Руковой, Юрия Глазова и других.

Предисловие

Отец Александр Мень был человек, личность которого с исключительной силой и яркостью проявляла себя и в непосредственном общении, и в его творческом наследии. Именно из этого наследия я получил первое впечатление о нем, как о замечательном богослове-христианине, о выдающемся борце за дело Христово, каким он был и каким он продолжает жить как в своих трудах, так и в памяти людей, имевших счастье знать его лично.

Помню, с каким восторгом взял в руки «Истоки религии», его третью, напечатанную за рубежом книгу. Конечно, издание подобной литературы у нас в те времена было невозможно. Я подумал, что это – именно то, что нужно: впервые появилась духовная пища, предназначенная для членов нашего общества, воспитанных в атеизме, в отрыве от всякой религиозной традиции. Такая книга оказывала огромное воздействие на неверующих и колеблющихся.

Сам был свидетелем того, как мой старший брат, человек большой культуры, инженер и певец-дилетант, прочитав «Истоки религии», воскликнул: «Какая исключительная эрудиция, как много автору пришлось прочесть, чтобы выразить свои взгляды с такой убедительностью аргументации и с привлечением такого богатого материала!»

Не говорю о смелости, которая тогда была нужна, чтобы решиться издавать свои работы за границей, когда еще мало кто отваживался, повергая себя такой опасности.

Потом попала к нам книга «Сын Человеческий», хотя она вышла в свет раньше. Ее можно дать любому человеку. Он ее прочтет с интересом, а у неверующего она может изменить его отношение к вере. Это не значит, что он обязательно обратится к Богу, но книга повысит его представление о христианской жизни, о ее святости и величии, о величии Самого Христа. Таким образом, она расчищает путь, готовит почву для обращения человека к Богу.

Все свои знания, энциклопедическую эрудицию, самые разнообразные интересы в науке, художественной литературе, искусстве, все свои таланты, ему от Бога дарованные, отец Александр поставил на службу проповеди. Проповедовал он неустанно. Проповедовал всегда принципиально, притом на языке, доступном для современников.

Я думаю, что Христос Сам нам дал прямое указание о том, как надо говорить с людьми. Он сказал Своим ученикам: «Вам дано знать тайны Царствия Божия, а прочим в притчах» (Лк, 8,10). Вот этим стремлением Спасителя снисходить к уровню понимания людей, к их духовным запросам и к их возможностям мы должны вдохновляться и ему подражать. Иными словами, нам нужно обращаться к людям так, чтобы они нас понимали; так, чтобы наши слова действовали на них в благотворном направлении, то есть, иначе говоря, чтобы способствовать их духовному развитию, их приближению к Богу, и в конечном итоге их спасению. Именно в этом направлении лежал путь деятельности отца Александра.

Он прекрасно понимал, что здесь в этом процессе должны играть роль не только вода, но и разум. Ведь в притче о сеятеле рассказывается о том, что некоторые семена, то есть слова проповеди, утрачиваются, потому что не усваиваются пониманием. Приходит дьявол и уносит их, то есть похищает услышанное, но не усвоенное разумом, слово (Мф. 13, 19). Недостаточно только пламенеть чувствами благоговения и восторга, недостаточно только иметь добрую волю: христианину следует устремляться к Богу всеми силами своей души, то есть безусловно и разумом тоже (а под разумом здесь подразумевается прежде всего восприятие и усвоение Слова Божьего).

Спаситель проповедовал на языке, свойственном слушателям, пользовался образами, доступными их восприятию. А Его изложение никогда не включало преград, мешающих усвоению возвещаемой истины. Не случайно свою первую книгу «Сын Человеческий» отец Александр посвятил Богочеловеческой личности Иисуса Христа. Именно Христа отец Александр имел главой угла своего служения и творчества. В его творениях в первую очередь впечатляет

их христологичность. Все его труды, даже тогда, когда он прямо не касался христианского вероучения, например, когда он писал о древних религиях, были пронизаны христоцентрическим менталитетом автора, его пониманием религиозного и конфессионального разнообразия и всегда – в лучах света Христова, жившего в его душе и действующего благодатно на его читателей, а при его жизни, и на слушателей. Можно думать, что он никогда не упускал из вида слов апостола: «Никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос» (1 Кор 3, 11).

Вся его пастырская практика была подчинена одной Цели – привести души к личной встрече с Христом Спасителем, привить им любовь ко Христу.

Ведь первая заповедь гласит: «Возлюби Господа Бога Твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоей» (Мк 12, 30). Но человеку трудно было любить Бога. И Христос пришел на землю и стал человеком для того, чтобы, любя Христа как личность близкую к нам всем, мы любили Отца Небесного, так как Сын Божий и Отец – одно.

К сожалению, хотя мы называемся христианами, этой любви нам часто недостает. Многие склонны сосредотачиваться на видимости и звучании обряда, заменяя спасающее Слово Божье разного рода безблагодатными словесными упражнениями, то есть «уча учениям, заповедям человеческим» (Мф, 15, 9). В этих случаях Христос и Его слова нередко вытесняются на периферию сознания, вместо того, чтобы занимать в нем господствующее место.

Именно потому, что отец Александр всеми силами старался возбудить в людях, в своих прихожанах, в своих духовных детях настоящую любовь ко Христу, его служение было столь плодотворным. Лично с ним я познакомился за несколько лет до его смерти. Он приезжал в Вологду, где я тогда был правящим архиереем, бывал у меня. Мы имели время для дружеского общения. Потом мы встречались в Москве.

Это был человек необыкновенной одухотворенности, который вел подвижническую жизнь и закончил ее мученически. Но на крови мучеников, как известно с древних времен, прорастают семена христианского благовестия, растет и укрепляется Церковь Христова. Многие ставят в упрек отцу Александру недостаточную приверженность к некоторым условностям православной церковности, хотя он в своей пастырской деятельности фактически не отрывался от установившейся богослужебной практики и, таким образом, ни в чем не шел вразрез с привычками и навыками любого православного богомольца. Однако все входившие с ним в личный контакт, а тем более в контакт богослужебный, ощущали внутреннюю свободу его молитвенного общения с Отцом Небесным, исполненную Духа, Который, по словам Спасителя, дышит, где хочет (Иоанн 3, 8).

Именно эта внутренняя свобода и была, быть может, одной из отличительных черт его менталитета, которые делали его служение, проповедь и всю его личность столь привлекательными.

Отец Александр был поистине пророком нового времени и предвестником евангелизации всего служения Православной Церкви, евангелизации, которая соответствует назревшим потребностям и чаяниям православного народа.

Архиепископ МИХАИЛ (Мудьюгин)

* * *

Встретившись с отцом Александром Менем, с первых мгновений я почувствовал, будто знал его всегда как брата, как друга и понял, что отныне он мне станет близким навсегда. А между тем мы разговаривали всего лишь минут десять. Но сначала я расскажу об обстоятельствах этой встречи.

Это было в начале мая 1989 года во время моего визита в СССР, куда я был приглашен Патриархом Московским. В это время политика советского правительства в области религии была весьма неопределенной. Закон о свободе совести все еще изучался.

Отец Александр Мень принадлежал к той группе духовенства, распространение влияния которых рассматривалось коммунистами и их полицией, как угроза для их власти. Для КГБ и для антисемитов отец Александр был фигурой подозрительной. Чтобы он замолчал те или эти, или же сообща убили его ударом топора по дороге в церковь. Отныне истинность его Слова подтверждена жертвой. Никто не властен заглушить живые Слова задушенного голоса. Россия обязана была насторожиться когда Борис Ельцин, бывший тогда председателем Верховного Совета, объявил на сессии минуту молчания в память убиенного Александра Менья. И так, в субботу, 6 мая 1989 года, вместе с моими спутниками мы ехали из Москвы в Троице-Сергиевскую Лавру. Накануне я попросил сопровождавших меня лиц из Московской Патриархии остановиться в Новой Деревне – деревне, где находился приход отца Александра – впрочем, тогда он еще не был настоятелем. Предупредить его о нашем визите было невозможно. Мы только знали, что он будет рад нас видеть и что в этот день он будет в своем приходе, Шла пасхальная неделя по православному календарю и во всех действующих церквях служилась Божественная литургия.

Мы прибыли к концу литургии, когда настоятель говорил проповедь. Она произносилась согласно обычаю в конце службы. Со своими спутниками мы оставались в глубине храма, но отец Александр нас заметил. Проповедь все не кончалась... Не было никакой возможности ее прервать, но отец Александр подошел ко мне и мы сказали друг другу несколько слов по-английски. Настоятель закончил и пригласил меня сказать несколько слов пастве и благословить ее. Затем мы уехали, у нас был плотный распорядок дня и мы спешили. Нам нужно было очень многое сказать друг другу. И хотя мы никогда не виделись прежде, у меня было такое чувство, что мы можем не успеть. Память моя хранит образ встречи сильной и прекрасной в тайне страдавшего и воскресшего Мессии. Мы обменялись самым главным и укрепили друг друга больше, чем могли бы это сделать любые слова.

С этого самого дня я пытаюсь исследовать ценность смысла этой встречи и не могу его постичь до конца. Но прежде всего нам было очевидно – я говорю «мы» не будучи убежденным, что имею право говорить от имени отца А. Менья, а лишь по интуиции, которую я сохранил – очевидно, что братство наших вер, союз во Христе, был как знак предвосхищения (то, что святой Павел, говоря о дарах Духа, называет «задаток» и «знак»), предвкушение полного общения в любви и взаимном уважении для Московской Патриархии и Римской Церкви. Он так же, как и я, т. е. поистине ставши христианами, мы любим и служим единственной невесте Христовой – его Церкви. Совершенно очевидно, что это единение может осуществиться в жизни учеников лишь при условии участия в тайне Креста. И потом радость Пасхальной недели, которая озаряла бедную паству, среди которой отец Александр и я обменялись всего лишь несколькими фразами, была словно озарена сиянием тайны Креста – угрозой бессильной, но неминуемой смерти. Воскресший Христос дает нам чувство свободы, и оно сильнее любой тирании. Победа веры – это победа освобождения, прощения и любви. Слабость Христа, отданного власти людей, свидетельствует о могуществе Бога, поскольку Бог освобождает от власти греха.

Все это мы знаем. И мы были благодарны за то, что оказались друг для друга, почти без слов, свидетелями милосердия после больших испытаний, свидетелями надежды перед лицом закрытого горизонта. Надо было прервать наш короткий диалог, чувствуя, что мы не смогли бы его завершить. Я не знаю, кто из нас двоих закончил разговор, но последние слова были моими. На его просьбу еще раз увидеться я сказал примерно так: «О, мы встретимся на небесах», таким сильным было у меня впечатление, что его жизнь больше чем моя насыщена Евангелием,

которое мы возвещаем, и что это неминуемо становилось знаком. Когда весть об убийстве отца Мень дошла до нас, я отыскал в своей памяти эту последнюю фразу. Сам отец А. Мень напомнил мне ее после своей смерти. Вот каким образом.

Благодаря Андрею Еремину детали нашего разговора были записаны. [Андрей Еремин](#) – русский интеллигент – был чтецом в Новой Деревне не менее десяти лет, фактически он был секретарем отца Александра. После нашего отъезда отец Александр рассказал Андрею: «У меня был удивительный разговор с кардиналом Люстиже, который сказал мне, что больше мы не можем разговаривать, поскольку окружены людьми и они нас слушают.» Кардинал сказал мне, что счастлив от того, что мы встретились, и добавил: «Вероятно у нас не будет больше случая увидеться, и мы встретимся лишь по ту сторону». После смерти отца Александра Андрей Еремин приехал ко мне 1 февраля 1992 года, чтобы спросить, что я хотел этим сказать, почему произнес эту фразу. Действительно, в отце Александре я увидел жизнь, принесенную в жертву, его самопожертвованную любовь ко Христу, в этом и была вся его отвага. Я не предсказал его смерти, я только сказал вслух то, что отец Александр уже знал из слов Христа, обращенных к Петру: «Другой препояшет тебя, и пойдешь туда, куда не захочешь идти». Как милость Божью рассматриваю я эту необычную, короткую встречу – она является предчувствием в настоящем времени, уже присутствующую полноту времен, кои грядут.

Кардинал Жан-Мари Люстиже

* * *

Новая, а по сути дела первая книга об отце Александре Мене (ибо все, что было написано раньше, это записки о встречах, рассказы о его месте в жизни мемуаристов, отдельные записки и т. п.) написана не русским, а французом и, главное, для французов. Может быть, именно поэтому автор, писавший для людей, не знакомых с тем историческим контекстом, в котором прошла жизнь отца Александра, сумел нарисовать здесь портрет отца протоиерея не просто, а на фоне русской (советской) истории последних 80-ти лет. И это очень важно, ибо практически все без исключения отечественные авторы, когда пишут об А. Мене, стремясь говорить о нем и только о нем, помещают его в какой-то вакуум. Нам, для которых 60-е годы не история, быть может, и не надо рассказывать о брежневской эпохе со всеми ее «прелестями» (с бесконечными вызовами на беседы то в КГБ, то в райвоенкомат, слезкой, ночными телефонными звонками и с другими формами психологического террора), но для тех, кто родился в 70-е годы, это необходимо. Это нужно и для тех, кто родился раньше, но жил тогда не задумываясь о Боге, о вере, о Церкви, и не видел того, что творилось вокруг. Это нужно – и это делает Ив Аман. Он – настоящий ученый, об этом говорит каждая страница его книги, но это не просто труд, написанный в кабинете университетского профессора, это личное свидетельство человека, бывшего участником тех событий, о которых рассказывается в его книге. Ив Аман работал во французском посольстве в Москве, через него осуществлялась связь отца Александра и многих других с внешним миром, он привозил сюда книги, увозил рукописи, был одним из тех, кто приближал своим самоотверженным трудом падение коммунистического тоталитаризма и атеистической эры. Ив умел уходить от «хвостов», перебегая в метро из вагона в вагон и был блестяще знаком со всеми особенностями советской жизни. Я бы не стал упоминать об этом, если бы автор хотя бы что-то рассказал о себе сам. Но таково особое смирение этого человека, скрывшего свое участие в жизни отца Александра за академическим стилем изложения, что считаю просто необходимым рассказать о его месте в жизни и трудах православных христиан России.

Священник Георгий Чистяков

По дороге в храм

Как обычно в воскресенье, 9 сентября 1990 года отец Александр Мень встал очень рано и отправился совершать литургию в маленькую деревенскую церковь, в тридцати километрах от дома, где он служил вот уже двадцать лет. С вечным портфелем в руке он толкнул калитку сада и направился, как обычно, быстрым шагом к железнодорожной станции, чтобы сесть в пригородный поезд, идущий к Москве. В утреннем тумане он шел узкой дорогой среди деревьев. Листья уже начинали опадать. Впереди был долгий день – исповедь, литургия, крестины, отпевание. Несомненно, он будет занят всю первую половину дня. Затем ему нужно будет, торопясь, продолжить путь в сторону Москвы, чтобы прочесть вторую часть лекции о христианстве в Доме культуры на Волхонке. С 1988 года Советская власть изменила политику по отношению к верующим: ту деятельность, которой отец Александр себя посвятил с юности, и до этой поры вел полулегально – нести слово Божье своим согражданам – теперь продолжал гласно. 1 сентября он как раз отпраздновал тридцатую годовщину своего рукоположения. Отныне ни минуты передышки. Это был единственный случай в Советском Союзе: после того как на протяжении семидесяти лет верующие были обречены на молчание, он, за которым наблюдала целая команда КГБ, отныне приглашался в школы, институты, клубы, дома культуры. На Пасху он крестил шестьдесят взрослых. Себя он совершенно не щадил, близкие тревожились, но он оставался глух к их советам. Последнее время он казался встревоженным, что для него было как-то вовсе необычно. Он очень любил природу, и несколько минут дороги вдоль леса, где под первыми лучами солнца играли осенние краски, бесспорно должны были придавать ему сил. В этом пейзаже не было ничего необычного, и тем не менее, был он особенным. В нескольких километрах отсюда возвышалась Троице-Сергиева Лавра – особое место для Русской православной Церкви. В середине XIV века преподобный Сергий в лесу основал скит, и отсюда начался новый духовный взлет России, России, еще не оправившейся после завоевания страшными монгольскими воинами Чингиз Хана. Андрей Рублев был там монахом, именно для этого монастыря написал он знаменитую Троицу. Преподобный Сергий родился в деревне неподалеку отсюда и ходил по той самой дороге, по которой шел теперь отец Александр...

Чуть позже, его жена, остававшаяся дома, открыв окно, услышала стоны: бросившись в сад, она увидела за калиткой лежащего в кровавой луже мужчину. Вернулась, срочно вызвала скорую помощь, затем милицию. Когда вышла вновь, машина скорой помощи уже была тут. – Почему вы ничего не делаете? – спросила она врачей. Наконец подошла. Было много крови. Она все не осмеливалась посмотреть на убитого. Она спросила сама себя: «А мой муж? Он благополучно добрался до храма?» Кто-то сказал: «Он в черной шляпе был?» Нашли шляпу с большим острым надрезом. Позже явились свидетели, они видели отца Александра: он возвращался назад, шел к дому, истекая кровью. Не захотел, чтобы ему помогли. По всей видимости, он упал перед калиткой, истекши кровью. Широкая рана на затылке явно была от удара топором. Обстоятельства преступления, точность, с которой был нанесен удар, заставляют думать, что это убийство было тщательно подготовлено и совершено профессионалами. Но почему они выбрали подобное оружие?

«Мы едва начали освобождаться от чувства страха, – писал журналист на другой день после события. – Топор – очень хорошее средство, чтобы привести в чувство всех глотнувших свободы. Отрезвить и напомнить»¹. Именно за топоры хватались русские крестьяне, когда изгоняли чужеземных захватчиков, врагов. Традиционный символ народного мщения и наказания предателей.

Топором потрясали и против евреев во времена погромов. А ведь отец Александр по происхождению был еврей: не было ли это преступление антисемитским?

Действительно, после его смерти, газетенки, где вот уже год или два проповедовался самый крайний русский национализм, яростно взялись за него. Они утверждали, что это убийство было следствием хитрых замыслов «мировых антирусских и антиправославных сил, которым он служил всю свою жизнь» ибо теперь они решили использовать его в последний раз, чтобы вызвать у евреев ненависть против русских: «Пусть его смерть послужит уроком всем, кто пытается, находясь в лоне святой православной Церкви, заигрывать с сатанинскими силами»².

¹ Александр Минкин. Не рыдайте обо мне. – Огонек № 39, 1990. <http://www.alexandrmen.ru/books/aman/aman01.html#001>

² Земщина № 13, май 1991. <http://www.alexandrmen.ru/books/aman/aman01.html#002>

Самого отца Александра волновал новый подъем ксенофобии. Он в нем видел зерно русского фашизма. У наиболее консервативного духовенства отец Александр не был на хорошем счету, в частности, у монахов Троице-Сергиевой Лавры, голубые и золотые купола которой были видны из глубины его сада. Но можно ли, как это делают некоторые, дойти до того, чтобы заподозрить в них вдохновителей этого убийства?

Не следует ли скорее сопоставить это с другими зверскими убийствами священников тайными службами в разных странах Восточной Европы, в частности, отца Попелюшко, утопленного агентами польских органов в 1984 году? В момент, когда был убит отец Александр, топот сапог уже раздавался в Москве, и механизм, который должен был привести к путчу 1991 года, как раз начинал действовать. Принимая во внимание, что чины старого коммунистического аппарата часто использовали шовинизм, притом самый агрессивный, в попытках сохранить или реставрировать свою власть, и что первыми группами русских ультранационалистов, появившимися в 1987–1988 годах по большей части ими явно манипулировали органы КГБ, разумно предположить, что именно они разыграли эту карту. Пospешность, с которой следователями было заявлено, что это дело никоим образом не могло быть политическим, на фоне того, что никаких следов убийцы не было найдено, в высшей степени подозрительно. Прошло четыре года; как и следовало ожидать, следствие ничего не дало. Будет ли когда-нибудь раскрыто это убийство? По крайней мере можно быть уверенным, что убит он был не случайно, а это преступление спровоцировано необычностью его личности и тем, как это проявлялось в общественной жизни. Советская пресса широко отозвалась на смерть отца Александра. Три дня спустя газета «Известия» воздала должное его памяти. Автору статьи стали угрожать по телефону. Позвонила женщина, спросила с раздражением: «Что же это его Бог ему не помог?»³. Знала ли она, что эти самые слова были произнесены две тысячи лет назад у подножия креста: «Уповал на Бога, пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему»⁴.

Мысль о смерти была близка отцу Александру. Он часто напоминал, что мы лишь путники в этом мире, «пришли из тайны, чтобы возвратиться в тайну». Это не должно нас ужасать, и напротив, через это нам следует осознать значение жизни. «Память о том, что за нами придут, должна быть ободряющей, укрепляющей нас, не дающей нам расслабиться, разболтаться, впасть в уныние, безделье, мелочность, ничтожество»⁵. С тех пор, как он смог действовать открыто, казалось, он спешил, как будто время для него было сосчитано. Думал ли он, что новая политическая ситуация продлится недолго и что нужно воспользоваться максимально недолговечными обстоятельствами?

«Если я сейчас не сделаю того, что нужно, – сказал он однажды, – потом буду жалеть об упущенном времени»⁶. Многие из его друзей думают, что у него было предчувствие смерти. Он все чаще и чаще возвращался к мысли о хрупкости жизни. «Мы всегда на грани смерти... Вы сами знаете, как мало надо человеку, чтобы нитка его жизни оборвалась»⁷. В воскресенье, за неделю до убийства, он торжественно открыл воскресную школу при своем приходе для деревенской детворы. Какое событие! Урок катехизиса – и совершенно легальный в Советском Союзе! Можно представить себе его радость, он так мечтал об этом. И тем не менее, в этот день, по-настоящему праздничный, к удивлению всех присутствующих начал он так: «Дорогие дети! Вам известно, что однажды вы умрете...» Одна женщина из числа друзей попыталась

³ Татьяна Глинка. Цветы у дороги. – Московская правда. 11.11.1990.<http://www.alexandrmn.ru/books/aman/aman01.html#003>

⁴ Мф. 27,43.<http://www.alexandrmn.ru/books/aman/aman01.html#004>

⁵ А. Мень. Дорожите временем. В кн.: А. Мень. Свет во тьме светит. Москва 1991, с.197.<http://www.alexandrmn.ru/books/aman/aman01.html#005>

⁶ Владимир Леви об Александре Мене: Приходило живое счастье. – Столица № 31–32, 1990.<http://www.alexandrmn.ru/books/aman/aman01.html#006>

⁷ Владимир Леви. См. там же.<http://www.alexandrmn.ru/books/aman/aman01.html#007>

убедить его сократить объем деятельности: «Вы совсем себя не бережете, вы уже не мальчик, вы не одному себе принадлежите...

– Я должен торопиться. У меня совсем мало времени осталось, надо успеть что-то сделать...

– Что-то с сердцем?

– Нет. Это не со здоровьем связано, с ним все в порядке... Но это так, поверьте мне, я это знаю...»

И еще, однажды, когда он пытался поймать такси, а человек, сопровождавший его, стал волноваться, вздыхая, что приходится долго ждать, сказал: «Мне-то нужен катафалк, а не такси»⁸. Было ли это мистическим предчувствием или же он ощущал опасность? Конечно, он получал письма с угрозами, но ведь они приходили регулярно на протяжении многих лет. Возможно, теперь они стали более определенными? А быть может, он был предупрежден другим знаком, более точным?

Убийство это вызвало большое волнение. Только после трагедии вся страна открыла для себя отца Александра и смогла оценить его значение; оценили все, вплоть до высших политических сфер. Президент СССР Михаил Горбачев выразил «горячее сожаление». Борис Ельцин просил Верховный Совет России, председателем которого он тогда был, почтить минутой молчания память отца Александра и прислал венок на могилу.

Тайна этой смерти была подчеркнута Патриархом Московским в письме, прочитанном во время похорон: «По человеческому разумению, казалось бы, только сейчас и настало время, когда талант отца Александра как проповедника Слова Божия и создателя подлинно общинной приходской жизни и мог раскрыться во всей своей полноте».

Политика либерализации культуры, связанная с перестройкой, началась, когда разрешили фильм под названием «Покаяние»; в конце его мы видим, как старая женщина спрашивает у зрителей, где дорога, которая ведет к Храму. С тех пор этот образ остался в умах, как символ страны, обретающей смысл истинных ценностей, и возврата к вере, после семидесятилетних блужданий. А отец Александр был убит, когда шел служить литургию, иначе говоря, по дороге в Храм...

⁸ Зоя Масленникова. Феномен отца Александра Менья. Перспективы, № 4, с. 55. <http://www.alexandrmn.ru/books/aman/aman01.html#008>

Его хоронили в день, когда православная церковь отмечает Усекновение главы Иоанна Крестителя, его называют Предтечей – тем, кто пришел и уготовил путь... Однажды, в 1984 года после угроз КГБ, он сказал своим друзьям: «Я внутренне сказал себе, что исполнил свое предназначение, сделал, что мог для Церкви Христовой, и готов предстать перед Господом»⁹. За несколько дней до смерти, говоря об одной русской православной монахини, жившей в Париже (она боролась в Сопротивлении во время войны и была убита нацистами), он заключил свое выступление следующими словами: «Отдать себя до конца – значит совершить евангельский подвиг. Только этим спасается мир»¹⁰. Отдать себя до конца...

⁹ Андрей Бессмертный, Владимир Ойвин. Он был голосом истины в наше время. – Протестант. Октябрь, 1990. <http://www.alexandrmn.ru/books/aman/aman01.html#009>

¹⁰ Л. И. Василенко. Культура, церковное служение и святость. В кн.: Аequinox. Сборник памяти о. Александра Менья. – Москва, 1991, с. 174. <http://www.alexandrmn.ru/books/aman/aman01.html#010>

Уход в катакомбы

Отец Александр родился 22 января 1935 года¹¹. Советская власть в это время трубила о своих победах. Съезд коммунистической партии за год до этого получил название «съезда победителей». Первый план индустриализации был выполнен за четыре года вместо пяти. Кол-

¹¹ В районе Арбата, напротив церкви Св. Симеона Столпника, сегодня проспект Калинина.<http://www.alexandrmn.ru/books/aman/aman02.html#011>

лективизация, с ее миллионами депортированных крестьян, умерших от голода, убитых, завершилась. Все общество было окончательно поработщено. Под водительством коммунистической партии и ее прославленного вождя И. В. Сталина советский народ совершает героические подвиги, солдаты неусыпно охраняют границы, НКВД (предшественник КГБ) истребляет врагов народа, летчики летают выше всех, дальше и быстрее, стахановцы побивают рекорды производительности, музыканты получают первые премии на международных конкурсах... Вот о чем без конца повторялось в газетах и по радио.

Месяц назад был убит глава ленинградской парторганизации, весьма вероятно, по приказу Сталина. Используя эту акцию, вождь развязал «большой террор». Политическая полиция приступает к массовым арестам. Вскоре в Москве начинаются процессы, во время которых обвиняемые признавались в самых неправдоподобных преступлениях, как, например, в том, что они сыпали в масло толченое стекло. ГУЛАГ, где уже находились миллионы людей, не прекращал расти.

Тем не менее, большая часть населения, начиная с молодежи, была убеждена, что участвует в рождении нового общества, в котором осуществляются все надежды человечества. К тому же множество интеллектуалов из-за границы видели в СССР «землю, где утопия вот-вот станет реальностью»¹². Оправдывали насилие тем, что создавали мир, где больше не будет насилия. Говорили, что нельзя сделать яичницу, не разбив яиц. Сами слова «сострадание, милосердие» казались устаревшими. Все подчиняли политической «целесообразности». Верили, что достаточно людям следовать марксистско-ленинской науке, чтобы построить рай на земле. Царил атеизм. Думали, что лишь необразованные старушки могут верить в Бога, а государство использовало все возможные средства, чтобы помешать «родителям-ретроградам отравлять умы детей религиозным идиотизмом».

Союз воинствующих безбожников не замедлил сообщить о том, что в него входят тридцать миллионов членов. Он издавал бесчисленные газеты, журналы, книги, брошюры и вдохновлял десятки антирелигиозных музеев. Посетив один из них в 1936 г., Андрэ Жид был поражен, обнаружив там следующую подпись под изображением Христа: «Легендарный персонаж, никогда не существовавший»¹³. Французский писатель, которого никак нельзя заподозрить в сочувствии к Церкви, не мог понять, как Евангелие могло быть полностью изъято в СССР.

Все православные церковные учреждения, равно как и иные религиозные организации были полностью уничтожены. Закрыто более 95 % церквей. Пока еще терпели нескольких епископов. Ни одного монастыря, ни одной семинарии уже не существовало. А сколько епископов, священников, верующих мужчин и женщин было истреблено, расстреляно, замучено, сколько скончалось от истощения в страшном лагере на Соловках? Сколько было арестовано, потом отпущено и вновь сослано в лагерь? Сколько, уже отбыв срок, получили новый и теперь строили Беломорканал? Можно ли будет когда-нибудь установить, какое число мирян было посажено по религиозным мотивам? Сколько было убито? Сколько нашли смерть во время «большого террора»? Никогда христианский мир не испытывал преследований в таком объеме со времен царствования римского императора Диоклетиана.

В период, предшествовавший революции, моральному авторитету православной Церкви был нанесен серьезный ущерб ее покорностью перед царской властью. Выступая защитниками Церкви, цари, начиная с Петра, лишили ее Патриарха, который до той поры руководил Церковью. Цари старались сделать ее пружиной государства. Эта зависимость стала особенно оче-

¹² Андрэ Жид. Возвращение из СССР. – Издательство политической литературы. – Москва, 1990, с. 64. <http://www.alexandrmen.ru/books/aman/aman02.html#012>

¹³ Андрэ Жид. Возвращение из СССР. – Издательство политической литературы. – Москва, 1990, с. 99. <http://www.alexandrmen.ru/books/aman/aman02.html#013>

видной в царствование Николая II, когда судьба епископов попала в руки Распутина, своего рода «гуру» императорской семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.